

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ
**БОРИСА
И ГЛЕБА**

**АНАТОЛИЙ АНАТОЛЬЕВ,
УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ
СЕМЬИ МАСТАКОВЫХ**

Интернациональный Союз писателей

Анатолий Петрович Анатольев
Удивительные истории
семьи Мастаковых
Серия «Международный
фестиваль Бориса и Глеба»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42929674

*Удивительные истории семьи Мастаковых: Интернациональный Союз писателей; Москва; 2019
ISBN 978-5-00153-090-9*

Аннотация

Книга посвящена удивительным историям семьи Мастаковых, происшедшим с героями на протяжении более полувека. Изложенные факты романа исторически подлинны, заменены лишь имена героев. Автор хорошо знал главных участников этих событий на протяжении многих лет, и они детально изложили все тонкости своих замечательных и счастливых выздоровлений. Ещё век назад существовали такие знахари, способные исцелить людей от страшных недугов, в том числе священнослужитель отец Георгий, народный целитель дед Фаддей, врач-гомеопат, профессор В. Любарский... Описанные случаи уникального

исцеления главных героев романа от малярии, злокачественных опухолей и зоба действительно удивительны...

Автор будет признателен за все отзывы, предложения и критические замечания.

Содержание

Неожиданная болезнь	9
На Урале в госпитале	19
Излечение от малярии	41
Возвращение в Москву	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Анатолий Анатольев
Удивительные истории
семьи Мастаковых

© Анатолий Анатольев, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

* * *

Литературный псевдоним – Анатолий Петрович АНАТО- ЛЬЕВ

Анатолий Петрович ПИЧУГИН, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной физики Новосибирского государственного аграрного университета, заслуженный работник высшей школы РФ, почётный работник высшего профессионального образования РФ, почётный работник агропромышленного комплекса РФ, член Союза журналистов РФ.

Родился 22 октября 1943 года в городе Уссурийске Приморского края.

Окончил в 1968 году Дальневосточный политехнический институт, инженерно-строительный факультет.

В 1973 году окончил аспирантуру Московского инженерно-строительного института на кафедре полимерных строительных материалов.

Работает с 1978 года в Новосибирском государственном аграрном университете – зав. кафедрой, проректором, деканом факультета управления.

Женат; имеет троих взрослых детей, одиннадцать внучат и одного правнука.

Писательской деятельностью занимается более тридцати лет. Написал и издал роман, пять сборников рассказов, повесть, пятнадцать сборников стихов и поэм.

ПИЧУГИН Анатолий Петрович

630039 г. Новосибирск, ул. Добролюбова, 160

Новосибирский государственный аграрный университет

Тел.: 8-383-267-39-11; 8-913-929-23-50

E-mail: gmunsau@mail.ru

Книга посвящена удивительным историям семьи Мастаковых, происходившим с героями на протяжении более полувека. Изложенные в романе факты исторически подлинны, заменены лишь имена героев. Автор хорошо знал главных участников этих событий в течение многих лет, и они детально изложили все тонкости своих замечательных приключений, исканий и счастливых выздоровлений. Действительно, ещё век назад существовали такие знахари, способные исцелить людей от страшных недугов, в том числе и священнослужитель отец Георгий. Особое восхищение вызывает главный герой – Николай Степанович Мастаков. Его целеустремлённость, активность и неравнодушная позиция по отношению к людям являются хорошим примером не только для молодого поколения, но и для всех живущих на земле.

Автор надеется, что знания, почерпнутые из этого труда, подвигнут медицинскую общественность обратить внимание на рецепты народной медицины, на оригинальные подходы и нестандартные методы лечения.

Автор будет признателен за все отзывы, предложения и критические замечания.

Неожиданная болезнь

Эх, Туркестан, Туркестан! Какой они за четыре года прошли огромный путь по этой земле! Бухара, Ургенч, Ашхабад, Кизыл-Арват, Кум-Даг, Окарем, Кизыл-Атрек, Кара-Кала... Кажется, всё преодолели, всё превозмогли: и пески, и болота, и горы, и водные преграды, и дикие атаки басмачей со своими злобными и жестокими курбаши... И непонимание населения, особенно сельских батраков, которых, собственно, и пришли освободить от их поработителей – баев и ханов. И вот очутились в Бахардене, на госпитальных

койках! И диагноз самый страшный – малярия. А ведь ещё недавно гоняли и преследовали басмачей по болотам, что севернее Бахардена! А потом выкуривали остатки банд из карстовой пещеры, где потом купались в подземном озере Коу! Какая красота была вокруг, какая дивная и неповторимая природа! И здоровые были, и полны сил, и планы строили на будущее... Всё это было так недавно и так давно, как в сказке...

Они лежали в одной палате: командир разведотряда Николай Ма-стаков и его боевой зам – Сашка Резцов. Мастакову двадцать четыре года, а Резцов на два года младше. Оба ещё не женатые, оба прошли большой боевой путь и награждены не раз за храбрость и мужество, за дерзкие вылазки в тыл врага, за ценные сведения и раздобытые планы банд басмачей...

Военный лазарет располагался в приспособленном помещении флигеля бывшего имения Тахманкула. Сам хан с рядом крупных басмаческих группировок был разгромлен и ликвидирован ещё в 1921 году, поэтому его усадьба со всеми постройками и утварью перешла во владение армейского начальства. В ханском доме, окружённом высоким дувалом, располагался штаб дивизии во главе с командиром 2-й отдельной Туркестанской кавбригады Я. А. Мелькумовым.

Во флигеле раньше жила прислуга да ещё было несколько гостевых комнат для прислуги гостей, которые, видимо, регулярно наезжали к бывшему хану. Флигель был выложен из

самана и побелен изве́сткой, а на кроватях лежали тюфяки. Мебели, кроме колченогого столика, почти никакой не было, а на полу были дешёвенькие домотканые половики. Сами же гости хана всегда располагались во втором флигеле, в котором и убранство было получше, и комнаты отделаны пошикарнее. Там по стенам были развешены красивые ковры, на кроватях под бархатными покрывалами возвышались взбитые перины, а полы полностью были застелены узорчатыми ковровыми дорожками...

Болезнь подточила сильные молодые организмы, и выглядели бывалые разведчики не самым лучшим образом. Жёлтые худые лица, заострённые носы... Все симптомы малярии были налицо: частые ознобы, боль в суставах, рвота, анемия и лихорадка при нестерпимой головной боли, переходящая в забытьё...

В редкие минуты притупления боли они общались и обсуждали различные проблемы жизни.

– Вот, Николай, послушай, как это так получается: мы с тобой проливали-проливали кровь, под пули и снаряды шли и получали ранения, и снова шли напролом, – полушёпотом медленно выговаривал Резцов, – а загибаемся от какого-то маленького комарика? Как-то несправедливо, правда?

– Конечно, несправедливо, Саня, правда, до слёз обидно! А что мы можем поделать, ведь доктор Войский чётко сказал, что хинина нет и не будет. А другого лекарства не изобрели, – так же медленно, с растяжкой отвечал Мастаков.

– Вот, у тебя хоть сёстры ещё есть, хоть будут ещё вспоминать о тебе. А у меня давно никого нет в живых – один я, сирота...

Он ещё что-то тихо продолжал говорить, но Николай не мог сосредоточиться, чтобы разобрать слова и понять друга.

– Ты говори громче, а то я ничего не слышу, – как казалось ему, очень громко прокричал он.

– Что ты сказал? – переспросил его Александр.

– Да ладно, ничего, – скорее для себя прошептал Николай.

Они оба заснули в забытьи...

Разбудил их голос медсестры Ульяны.

– А ну-ка просыпайтесь, лежебоки! Военврач пришёл, осматривать будет, – громко с украинским акцентом прокричала медсестра, – а то ишь разлеглись, как бароны какие-нибудь!

– Ну-с, здравствуйте, бойцы. Как самочувствие? Давайте посмотрим вас и определимся, что делать дальше. Так, Мастаков, рассказывай, есть улучшение или нет? – продолжал доктор.

– Оно вроде бы и лучше, но порой так тошно, что аж жить не хочется, – выпалил обессиленный Николай.

– Так-так... А ты как, Резцов? – обратился он к Александру.

– Пока не морозит, вроде как неплохо, а вот как приступ подойдёт – всё тогда в кошмаре... – в сердцах выругался тот. – И что это за напасть такая на нас навалилась, неужто

нет от неё никакого средства?

– Лекарство такое есть – хинин. Но оно только за рубежом, а сюда его совсем не довозят, – с горечью в голосе отвечал Михаил Борисович Войский. – И самое обидное, что ничто другое не берёт эту «холеру» – эту бациллу.

– А давно она по земле гуляет, давно о ней люди знают? И откуда она появилась? – вопрошал Александр.

– Понимаете, малярия, или болотная лихорадка, в переводе на русский язык означает «плохой воздух». Люди болеют малярией уже в течение 50 000 лет, и передаётся она человеку при укусах комаров рода *Anopheles* – малярийных комаров.

– Так мы не первые, оказывается! – с восхищением выпалили оба больных чуть ли не хором.

– Да-да, вы точно не первые, но вся беда в том, что того, что есть в нашем распоряжении, недостаточно, чтобы вас вылечить. И всё зависит только от вашего здоровья и вашей сопротивляемости. Мы можем только слегка притупить ход болезни, но, к сожалению, вылечить её никак не можем. Нужен хинин, а его, точно я знаю, в нашей стране нет. Вот такие дела, братцы, – грустно заключил доктор.

– Да-да, с этой маленькой козявкой никто не может справиться? – не унимался Резцов, – и мы должны теперь спокойно ложиться в гроб?

– В гроб не обязательно, может, вытянем вас на хроническое рецидивирующее течение болезни... – продолжал Ми-

хаил Борисович.

– А что это означает – рецидивирующее течение? – вклинился Николай, – Что-то это слово слишком сходно со словом рецидивист! Это что – агрессор или шпион, да?

– Ты почти прав, Мастаков! Только в данном случае этот «агрессор» является повторным проявлением заболевания после кажущегося его исчезновения. Вроде бы уже наступило выздоровление и пошло дело на поправку, но в любой момент болезнь может вспыхнуть с новой силой, – пояснил доктор.

– А от чего так болит голова? Что эта бацилла её так сильно сверлит? – продолжал выпрашивать Николай.

– Понимаете, эти мелкие микробы, называемые паразитическими протистами, проникая в организм человека, интенсивно размножаются в нём, что приводит к отравлению организма и увеличению размеров селезёнки и печени. В процессе массового размножения из одного образуется от 2000 до 40000 печёночных мерозоитов, которые через несколько недель попадают в кровь. А печень должна очищать кровь! Но если она её не очищает, то эти микробы распространяются во всём теле! Вот в чём беда-то! Вот почему она, т. е. эта малярия, называется инфекционной болезнью! – разъяснил доктор весь смысл заболевания.

– Михаил Борисович! А часто умирают от малярии? – не унимался Резцов.

– Нет, не часто. Из двухсот-трёхсот миллионов случа-

ев ежегодно примерно один-полтора процента заканчиваются смертью. Но это всё зависит от индивидуальных особенностей человека. Очень опасна малярия для детей любого возраста и беременных женщин. Там количество летальных исходов больше двадцати процентов. Потом ещё влияет личная гигиена, внутренние болячки, особенно хронические... – тихо проговорил доктор.

– Так один процент – это ж целых два-три миллиона человек! – быстро сообразил Мастаков. – Вот это дела!

– Да, Коля, это три-четыре миллиона человек! Это зафиксированный факт! Но это всего в мире. И самое большое число заражённых в Африке, поэтому для России этот показатель намного меньше! – заключил Войский.

Он заставил бойцов снять верхнюю одежду, поочерёдно послушал их дыхание, посчитал пульс и с удовлетворением отметил, что дела не так плохи, как могли бы быть.

И опять они остались одни, и опять они вели беседы о жизни и смерти, о том, что волновало их и мучило. Забывшись, они спали, и в полудрёме им снились берега морей и океанов, райские сады и бескрайние степи...

Проснувшись однажды поутру, Николай приподнялся с кровати и осмотрелся. Резцова в палате не было. «Видимо пошёл по надобности», – подумал он.

Но прошёл час, другой, а Сашка не возвращался. Николай встал, оделся и побрёл по коридору. Слабость одолевала, но он, преодолевая себя, вышел из флигеля и дошёл до дежур-

ного по штабу. Дежурил помкомвзвода Синенко, которого Мастаков знал давно – многие дороги и стычки с басмачами они прошли вместе.

– Гришунь, ты не видел Сашку Резцова? – спросил Николай.

– Нет твоего друга, застрелился он, – тяжело выдохнул Синенко.

– Да как же так? Да что же это такое творится? Как он мог позволить себе уйти навсегда, бросив меня умирать в этой глуши? – чуть не всхлипывая, запричитал Николай. – Ну и дела! Вот хрень так хрень!

– Успокойся, ему было очень плохо, и он не мог больше терпеть! Уж очень сильно болела голова, разрывалась! – прояснил ситуацию Григорий.

– Да как же он посмел смалодушничать так? – не унимался Мастаков.

– А ты сам рассуди, что делать человеку: ещё промучиться полгода-год в лазарете и сдохнуть калекой или закончить все свои мученья разом. Ни бабу полюбить, ни детей иметь, ни работать, ни веселиться! Пулю в лоб и точка! Вот он такое принял решение, значит! – подвёл итог своим рассуждениям Синенко.

– А он что, был у тебя перед смертью? – вопрошал Николай.

– Да, он пришёл ночью и всё рассказал о своей бестолковой жизни. Но больше всего его удручала безысходность!

Ведь лекарства-то нет и не предвидится! Это-то факт! И от него никуда не уйдёшь! Вот так-то, Николаша, думай, как жить! – заключил дежурный.

– Да, подвёл он меня, крупно! – полушёпотом ответил Николай.

– Ты иди к доктору, попроси спирта, может, полегчает, – посоветовал Григорий.

Смерть друга, такая нелепая и неожиданная, как удар из-за угла, была жестокой и резкой и перевернула судьбу и сознание двадцатичетырёхлетнего командира разведотряда. Он побежал к доктору, выпросил полстакана спирта и выпил его залпом, не закусывая. Спирт не брал его...

– Ну что, тошно? – несколько раз подряд спрашивал его Войский. – А мне, понимаешь, ещё тошнее! Ведь я доктор и ничего не смог сделать, чтобы молодой парень нормально жил. Вот чёртова ситуация!

– Не надо было так откровенно рассказывать нам об этой болезни. Сашка оказался слишком впечатлительным, – подержал разговор Николай.

Сам для себя Николай решил, что он, Мастаков Николай Степанович, обязан бороться с болезнью и не сдаваться: ради жизни на земле, ради памяти о друге – Сашке Резцове, ради своих сестёр, ради памяти родителей. «Всё буду терпеть, но я преодолею себя и выживу!» – чётко, как заповедь, как клятву произнёс Николай вслух.

Утром он обратился с просьбой о переводе его в военный

госпиталь на Южном Урале. Там недалеко жила тётка, и, если его комиссуют, то он мог бы хоть как-то доживать, а точнее существовать в деревне на берегу горной речки Степнянки. Втайне он надеялся на то, что в окружном военном уральском госпитале, может, найдётся хинин, и он будет вылечен от этой страшной малярии.

На Урале в госпитале

В Оренбурге, куда на перекладных за полторы недели добрался Мастаков, он быстро нашёл военный госпиталь и был устроен, пусть не с большим комфортом, но всё-таки достаточно прилично. Учитывая его послужной список и звание, боевые награды и заслуги, принимающий его дежурный доктор распорядился поместить его в двухместную палату вместе с бывшим начальником штаба дивизии Туркестанского фронта Владимиром Денисовичем Воротынским. Тот был ранен осколком снаряда в ногу на Туркестанском фронте и после успешно проведённой операции – хирургического вмешательства на коленном суставе – находился на лечении. Был повреждён коленный сустав, поэтому лечение оказалось достаточно сложным и длительным – необходимо было не только устранить застрявший там осколок снаряда, но и восстановить «ходовые» качества ноги.

Гарнизонный военный госпиталь, организованный ещё в 1744 году, был один из старейших в России. Располагался он вблизи природного ландшафтного парка, и поэтому воздух там был всегда чистый и свежий. За годы своего существования госпиталь неоднократно расширялся и реконструировался, поэтому представлял достаточно большой комплекс больничных зданий с чётко сложившейся инфраструктурой. Были здесь и хорошо оснащённые по тем временам операционные, и процедурные-перевязочные, и диагностические лаборатории, и даже кабинеты для врачебной гимнастики. Кроме того, были и клуб, и столовая, и кухня, и замечатель-

ные ледники, овощехранилища и складские помещения.

Врачи госпиталя отличались прогрессивным настроем и творческим подходом к своим пациентам. Здесь ещё в 30-е годы XIX века первые в Европе были произведены вскрытия умерших от холеры людей и описана картина поражения кишечника. Оренбургские военные врачи одними из первых применяли антисептические повязки Листера и наркоз при операциях. К концу XIX века все отделения связывали между собой тёплые каменные переходы и при госпитале была возведена домовая церковь во имя Николая Чудотворца. В 1910 году во всех отделениях было проведено электрическое освещение. С началом империалистической войны в 1914 году госпиталь был расширен, в этом же году для командного состава отстраивается новое двухэтажное здание – дом начальствующего состава с палатами повышенного уровня обслуживания. И после Октябрьской революции госпиталь продолжал работать так же активно и плодотворно, несмотря на то что в 1919 году при наступлении белых временно, на два месяца, пришлось двумя эшелонами эвакуироваться в Самару и Бузулук. По возвращении из эвакуации госпиталь вновь выполнял все функции гарнизонного.

Вот в этом доме начальствующего состава и поселился больной малярией Мастаков. Помещение, в котором стояли три кровати, большой письменный стол, такая же тёмно-коричневая этажерка, заполненная до отказа книгами, и два мягких кожаных кресла, было достаточно просторным

и чистым. На полу красовался слегка потёртый с большими узорчатыми ромбами ковёр. Справа от входа было две двери: за первой находилась небольшая каморка, приспособленная под гардероб, с вешалкой для верхней одежды. Кроме того, имелось несколько грубо сколоченных из досок полок, накрытых клеёнкой. Они предназначались для нательной одежды и хранения различных вещей. Вторая дверь вела в туалетную комнату, оборудованную всем необходимым и даже ванной с душем...

– Здравствуйте, меня зовут Николай Мастаков! – чётко по-военному доложил Николай, войдя в комнату.

– Здравствуй, здравствуй, герой! Мне уже поведали о твоих подвигах, когда спрашивали моё согласие на твоё поселение, – приветствовал его Воротынский, – ну а меня звать Владимир Денисович.

– Да, я вас знаю, товарищ начштаба! Ведь вы же мне вручали серебряные часы за оперативную разведку перед операцией под Кум-Дагом! Помните? Мы тогда махнули через скалы, вышли в тыл и устроили небольшую заварушку. Басмачи развернулись к нам, а нас и след простыл! Вот наши тогда их и накрыли по полной! – с азартом выпалил Мастаков.

– Да, правильно, ведь ты тогда руководил разведотрядом! Молодец! Ну, проходи, располагайся, будь как дома. Я уж тут вторую неделю отлёживаюсь: и привык, и обжился, и на поправку пошёл – уже могу даже без костылей ходить. Но одному скучно, хотя есть много книг, можно читать. Здесь

знаешь какие замечательные врачи! – подвёл итог Воротынский.

– Владимир Денисович, какую мне можно занять кровать? – вопрошал Мастаков.

– А вон ту, осваивай с того края. Я, вот видишь, обосновался на этом краю. Так и будет у каждого своя территория, – предложил Владимир Денисович.

– А зачем тогда третья кровать? – недоумевал Николай.

– Понимаешь, мы с тобой в здравом уме и сами можем себя обслуживать, а кому-то нужна сиделка, вот и поставили третью кровать для обслуживающего медперсонала, – разъяснил своё видение Воротынский.

Средняя кровать действительно немного другая и заправлена была без простыней – просто солдатским одеялом.

Мастаков переоделся, повесил свою одежду в гардероб, а вещи аккуратно положил на свободную полку. Только прилёг, чтобы отдохнуть, как в дверь постучали – на пороге стояла медсестра.

– Здравствуйте, Мастаков. Вам необходимо пройти к лечащему врачу – это здесь на первом этаже, пойдёмте со мной, я вас подожду в коридоре. – И она вышла в коридор.

Николай накинул на себя халат и нехотя побрёл за медсестрой. Они спустились со второго этажа, и подошли к докторскому кабинету. На двери красовался номер помещения – «7».

«Интересно, – подумал Николай, – будет ли эта семёрка

для меня счастливой или нет?»

Медсестра попросила подождать в коридоре, сама скрылась за дверью. Через несколько минут Мастакова пригласили в кабинет.

– Здравствуйте, военврач Истомин Сергей Сергеевич, – представился доктор, – ну, присаживайтесь, Николай Степанович, побеседуем.

– А что беседовать-то, всё и так понятно, лечить меня надо от малярии, – выпалил в сердцах Николай.

– Чтобы лечить, надо хотя бы знать ваше сегодняшнее состояние и настроение! Это раз! Второе – необходимо провести некоторое обследование: сдать все анализы, просветить вас на рентгене, посмотреть, насколько далеко зашла болезнь, и тогда уже решать, как лечить! И третье: если вы будете сами помогать нам в вашем излечении, то дело пойдёт гораздо быстрее! Вот так-то! – подытожил разговор Истомин.

– Вы это для кого всё рассказывали, для меня? Я ведь всё это прекрасно знаю! У нас в дивизии был замечательный доктор Михаил Борисович Войский! Он обо всём нам поведал и даже друга моего Сашку Резцова довёл до самоубийства от безысходности сложившейся ситуации! Ведь нужен хинин, а его нет и не предвидится! Так? – чуть повышая голос, выпалил Мастаков.

– Да, тяжёлый случай. Я соболезную вам по поводу потери друга, но не всё так печально, как думалось вам и вашему

другу, – есть сейчас препараты, которые подавляют активность паразитических протистов, и мы ими располагаем, – спокойно представил свои аргументы военврач.

– Так-то оно так, да только не совсем. Нам Михаил Борисович рассказывал, что эти протисты только на первых этапах заражения живут в человеке, а потом превращаются в печёночных мерозоитов, массово размножаются и их становится столько, что никакая печень и селезёнка не выдерживают, а человек в мучениях погибает! – с грустью в глазах выдал Николай все свои знания о малярии.

– Ну, во-первых, не протисты, а спорозоиты малярийного плазмодия проникают в гепатоциты печени. Во-вторых, образуются не только одни мерозоиты. Мерозоиты располагаются только в печени, а вот в селезёнке – немного другие микроорганизмы. Ну да это всё ненужная полемика, и нам с вами она ни к чему, – заключил доктор.

– Так, скажите честно, доктор, есть в вашем госпитале хинин или нет? – поставил вопрос ребром Мастаков.

– Не буду врать, конечно, нет! – честно отвечал военврач. – Но есть другие лекарства и мы отработали методику лечения, которая даёт положительные результаты. Поэтому я советую вам спокойно пройти тот курс лечения, который мы вам определим. Многое будет зависеть лично от вас и вашего отношения к лекарству и лечению в целом.

– Да я-то за, но вот если толку не будет, то, может быть, действительно лучше закончить это досрочно, как мой друг

Резцов? – не унимался возбуждённый беседой Николай.

– Ладно, ладно, – успокоил его военврач, – настройтесь на боевой лад – ведь вы же мужественный боец, командир! И не раскисать, а воевать – вот ваше предназначение! На сегодняшний момент – это борьба с малярией! – с оптимизмом и уверенностью в голосе закончил разговор Истомин.

После того как Николаю померили температуру и выписали все направления на анализы, дали кучу таблеток, он покинул кабинет врача. Ему становилось всё хуже и хуже – приближался приступ лихорадки...

Отлежавшись два дня, Мастаков постепенно приходил в себя. За это время он и бредил, и прощался с жизнью, и вспоминал родителей, и оплакивал своего друга Сашку... Медсестра Верочка часто навещала его, мерила температуру и ставила компрессы. Николая часто бросало в жар, и он обливался потом, а затем резко колотило от дикого озноба...

Наконец болезнь понемногу ослабла, и он смог самостоятельно подняться.

Первым делом он поздоровался с Владимиром Денисовичем, который сидел в кресле и читал роман Достоевского «Преступление и наказание». Потом отправился принимать душ, благо на табуретке возле его кровати лежала аккуратная стопочка свежего отутюженного нижнего белья с чистым полотенцем.

После принятия душа Николай, натянув госпитальный халат, молча сел в свободное кресло и задумался.

– Ну что, герой, оклемался немного? – спросил его Воротынский.

– Да, чуток полегчало. Теперь почти на человека стал похож, – отвечал Мастаков.

– Кушать-то ведь хочешь, наверное? – опять задал вопрос начштаба.

– Да, можно было бы перекусить что-нибудь, – в тон ему отвечал Николай.

– Ну тогда иди на первый этаж – там столовая, и попроси, чтобы покормили, – они два дня приходили к тебе, а ты всё не в себе был, – наставлял собеседник.

– Спасибо за совет, – кратко ответил Коля.

Он спустился на первый этаж, нашёл столовую и представился. К нему подошла женщина в белом халате и светлом платке и ласково пролепетала: «Шо, сынку, получшало тэбе? Який ты ж жевтый и дохидний! У чём тильку душа скрепуется? Поди ж за стил, присядь, я враз тэбе нахарчую».

Она скрылась за дверью раздаточной, а через пять минут на столе перед Мастаковым стояла большая миска наваристого борща и тарелка с нарезанным ароматным хлебом. Николай даже не заметил, как всё это вмиг было подчищено, и он принялся за котлету с пшённым гарниром, обильно политую приятным томатным соусом. И это кушанье было быстро уметено и даже запито кисловатым ягодным киселём. Только после последнего глотка он понял, как был голоден и как устал от приёма еды...

Николай встал, поблагодарил повариху и еле-еле пошёл к себе на второй этаж. По дороге он увидел медсестру. Вера обрадованно поздоровалась с Мастаковым.

– Здравствуйте! Ну, как дела, на поправку пошло, да? – улыбнувшись, произнесла служительница госпиталя.

– Да, вот поел. Спасибо! – только и смог выдавить из себя командир разведчиков.

– Ну, это хорошо! Ведь вашему организму нужно питание как никакому другому! – опять с подъёмом произнесла Вера.

– Вот утомился я, пообедав, теперь ползу в свою келью, – с некоторой долей юмора отвечал разведчик, – не знаю, до-ползу или нет?

– Давайте я помогу вам, Николай Степанович, – предложила медсестра и, взяв его под руки, повела в сторону лестницы.

Они дошли до палаты, и Коля поблагодарил её за проявленное участие.

– Спасибо, вам, сестрёнка Вера! – громко произнёс он...

Добравшись до своей кровати, Мастаков почти рухнул на неё. Сил уже ни на что не оставалось. Однако, проспав часа два, Николай проснулся во вполне приличном расположении духа. Да и самочувствие было почти удовлетворительным. Он поднялся и огляделся. Владимира Денисовича в палате не было.

«Наверное, на ужин пошёл», – предположил Николай.

И действительно, вскоре загремели костыли и вошёл Во-

ротынский. Был он чем-то недоволен.

– Вот, представляешь, они меня ещё хотят здесь проманежить две недели! Как там мои ребята без меня в дивизии? Как они справятся с реализацией плана наступления? Ведь я до конца не завершил его разработку! А басмачи снова собирают тысячные отряды! Просто какой-то произвол!.. Видите ли, они должны попробовать на мне какие-то новые грязи, привезённые из Сибири! – не мог остановиться начштаба. – Что делать, не представляю себе?

– А вы сбежите. Кто за вами погонится? У них тут своих больных хватает! – предложил Мастаков.

– С одной стороны, вроде бы всё правильно – сбежать. Но, с другой стороны, куда ж я без документов смогу пойти? Только до первых патрулей, тем более что до сих пор ещё хромаю и без костылей и сопровождающего вряд ли одолею дорогу... – с горечью выдал из себя Владимир Денисович.

– Да, мы люди военные и надо подчиняться приказам, – завершил их монолог Николай.

Они улеглись и долго молчали. Первым нарушил тишину Владимир Денисович.

– Ты сам-то родом откуда будешь, Николай? – спросил он.

– Я – коренной москвич! – с гордостью заявил Мастаков. – Мои родители погибли от теракта, когда возвращались осенью семнадцатого с юга. Они там отдыхали в Ялте. Под Харьковом их обстреляли, а вагон, в котором они находились, как раз-то и взорвали. Говорили, что много крови было...

– А жили вы где? – продолжал интересоваться Воротынский.

– Жили мы рядом на Бульварном кольце недалеко от Зарядья в небольшом переулочке. Но нас сразу же выселили, как только родители погибли. Я не знаю, за что? Видимо, квартира была не наша, а съёмная...

– А учился ты где, Коля? И кто из родных остался в живых? – задавал вопрос за вопросом Владимир Денисович.

– Учился я сперва в гимназии, так как отец работал в технологическом институте и хотел, чтобы я пошёл по его стопам. Но, когда его не стало, вынужден был пойти в реальное училище для получения в дальнейшем технического образования. Так хотел отец! – с дрожью в голосе отвечал Николай.

– А родственники остались в Москве? – не сдавался Воротынский.

– Да, три сестры. Ариадна – старшая, она нас, собственно говоря, и подняла. Как только родители погибли, она сразу же пошла работать, чтобы нас учить. Так и не закончила биофак. А мечтала стать биологом. Она старше меня на восемь лет. А Дарья и Светланка – близняшки, они младше меня на семь лет. Им сейчас по семнадцать лет, должны были закончить школу. Но я от них давно не получал никаких весточек. Меня как забрали в армию в двадцатом, так ни разу в Москве не был. Вначале переписывались регулярно, а потом всё реже и реже. А уж когда заболел – ни разу не писал им. Не знаю, как они там живут, что делают и какие у них

планы! – закончил отчёт о своих родных Мастаков.

– Надо обязательно им написать! Объявиться, что жив, пусть и не совсем здоров, – назидательно посоветовал Владимир Денисович.

– Да, надо написать, но я не знаю, долго ли я буду здесь лечиться и вылечат ли меня вообще! – с пафосом вымолвил Николай, – ведь у них, так же как и в нашем лазарете в Бахардене, хинин отсутствует, поэтому перспективы мои не слишком-то интересные. Вот в чём дело!

– Но ты же боец! И командир! И не имеешь права раскисать! – строго, как приказ, произнёс начштаба.

– Да, я-то понимаю, но ведь реальность-то выше нас! И хинина нет и не предвидится, это-то точно! – запальчиво выдохнул Николай.

Такие беседы с разным подходом и разным уклоном продолжались у них несколько дней. Воротынский, сетуя на свою судьбу и вынужденное, как ему казалось, дополнительное пребывание в госпитале, был порой резок в оценках и рассуждениях. А Мастаков старался убедить его в бесполезности прозябания...

– Ведь, даже если я и поправлюсь, то наверняка уже не будет ни семьи, ни детей, ни приличной работы, – причитал он.

– Не распускать нюни! Вот что главное, остальное всё ерунда! Человек потому и человек, что он может преодолеть непреодолимое! – чуть ли не выкрикивал начштаба.

В свою очередь Владимир Денисович рассказал о своей жизни. Он в своё время, отучившись в гимназии, которую закончил с отличием, поступил в университет на восточное отделение. Его привлекали Индия и Китай, Индонезия и Австралия. Он мечтал путешествовать и познавать мир... Но на восточном отделении кроме истории и иностранных языков очень широко расцветала подпольная работа. Студенты почти поголовно увлекались политикой и агитационной работой, что привело его к вступлению в партию большевиков и, как следствие, оставлению любимого университета. В 1918 году после окончания военно-инструкторских курсов он уже командовал ротой, а потом и полком. За проявленный героизм и высокую требовательность к себе был не раз премирован и направлен в Военную академию РККА. А дальше их пути пересекались на Туркестанском фронте.

Рассказал также Владимир Денисович и о своих корнях.

– Мы, Воротынские, род свой ведём от Рюриковичей. Из Черниговских мы, а ещё точнее от Новосильских. В нашем роду много славных имён: Одоевские, Оболенские, Волконские, Коненские, Белёвские, Мезецкие и даже Долгоруковы. Все из одного гнезда! – с восторгом произносил он все эти фамилии.

– Да, рядом с нами были и в дружбе всегда ходили Звенигородские, Карачаевские, Козельские, Торусские... много их было! Где они теперь, неизвестно... – с грустью закончил он своё повествование.

– А кто-нибудь из близких остался в Москве, Владимир Денисович? – в тон ему вопрошал Николай.

– Да, есть один могиканин – настоящий князь Воротынский Венедикт Гаврилович! Он и университет закончил в Германии, и службу при царе вёл на высоком уровне – был одно время даже заместителем министра, и орденов и медалей – полная грудь, да и друзей у него, почитай, было пол-России! И живёт в Москве, не уехал, хотя многие покинули родину! Но об этом шибко нельзя распространяться, хотя лет ему уже давно за восемьдесят, а у меня – старого подпольщика и большевика – репутация безукоризненная! – выпалил почти скороговоркой Владимир Денисович.

– Так, а братья или сёстры ваши есть? – не прерывал разговора Мастаков.

– Нет, есть две тётки где-то под Черниговом в имении, но я давно о них ничего не знаю. Вот закончится война на югах, попробую разыскать их или хотя бы их могилки.

– Ну а родители-то ваши, Владимир Денисович, хотя бы живы?

– Нет, они давно сгинули. Отец долго болел, да и старый он был, когда я родился, ему уже было за пятьдесят, – пояснил начштаба, – мать тоже слабенькая была – долго не продержалась одна. Схоронил их ещё до революции...

Несколько раз они обсуждали обстановку в Туркестане. Отмечали чрезмерную религиозность населения и сильное влияние духовенства и исламской религии на распростране-

ние националистических течений с различными оттенками экстремизма.

– Вот, понимаешь, Коля, хоть части Красной армии и войска ОГПУ наносят ощутимые удары по бандам басмачей, а они всё множатся и множатся! Как ты думаешь, за счёт чего это происходит? – вопрошал Воротынский.

– Конечно, за счёт поддержки внешними силами! Иначе так долго это не продолжалось бы! – в тон ему высокопарно отвечал Мастаков.

– При этом смело могу отметить, что особенно стараются помочь и насадить старый режим правящие круги Турции, Афганистана и Китая, правильно? – клеймил позором соседние страны Владимир Денисович.

– И не только они одни! А Англия и Франция? Ведь они поставляют главарям басмачества оружие, боеприпасы, военное снаряжение и деньги. Да и инструкторов военной подготовки и разведывательного дела мы захватывали несколько раз, – аргументированно добавлял Николай.

– Ну а внутри – бай, беки, вожди племён, влиятельные религиозные деятели тоже подбивают весь народ. Они лишены своего господствующего положения и открыто выступают против советской власти. Кроме того, они поднимают бывших своих подданных на сопротивление и поддержку басмачества, – заключил политбеседу Воротынский.

В другой раз они обсуждали природу и условия жизни в песках и горах.

– Не знаю, как ты, а вот я точно не стал бы жить там. Летом такое пекло, что мозги все расплавляются и закипают. То ли дело у нас, в умеренном климате! – рассуждал Владимир Денисович.

– Да уж, когда жара, то спасу нет. У них хорошо, когда весна: дожди прольют, всё цветет и пахнет. Только не дай бог очутиться в это время на болотах – враз подхватишь какую-нибудь хворобу! – дополнил Николай мнение начштаба.

– Зато в долинах рек какие оазисы, какие фрукты и овощи! Сказка! У нас такие никогда не вырастут, разве только в теплицах или парниках, – критически оценил Воротынский обсуждение климатических особенностей Туркестана.

– Ну, это вы зря так, Владимир Денисович! Вы, наверное, не в лучшее время бывали в тех краях или слишком были заняты штабной работой, – продолжил начатую тему Николай, – а мне пришлось потаскаться в разное время: и плутал, и в окружение попадал, и вплавь уходил... Всё было...

Помолчав некоторое время, Мастаков стал вслух вспоминать не только оазисы под Чарджуу, где росли густые ароматные виноградники, помогавшие ему в своё время прятаться в тылу неприятеля, но и зелёные долины Хорезмского оазиса.

– А какие там сочные и вкусные дыни росли! – не переставал восхищаться Николай...

– Ты, Коля, лучше вспомни, какие дикие паводки там бывают! Мы несколько раз попадали в такие ситуации при таянии снегов и проливных дождях. Сколько народа и про-

довольствия тогда угробили! Страх! Это тоже нельзя забывать, – с критической оценкой поддержал соседа по палате начштаба.

– Если уж про страх говорить, то вот настоящий страх – это когда верблюжьи колючки – янтас – распорют штанины и исколют всю задницу! Или попадёшь на гигантские злаки – эриантус, – поведал свою осведомлённость Мастаков.

– А чем тебе злаки не угодили? – спросил начштаба.

– Да в них трудно прятаться. Даже ходить тяжело. Стволы толстые, широкие, часто растут. Чтобы пройти, надо их сломать, а это дополнительный шум. И сразу же засветишься! – пояснил разведчик.

Они много и часто спорили, убеждали друг друга, но все их доводы однажды рассыпались, как хрупкая стеклянная ваза, упавшая на пол...

Однажды Мастаков пошёл на процедуры. Медсестра Вера сделала ему укол, от которого ему стало плохо. Николай потерял сознание и завалился на пол. Верочка бегала вокруг него, причитая: «Ну миленький, ну Колюнечка! Ну поднимись, ну прошу тебя. Ну хочешь я всё сделаю для тебя, только очнись? Ну не помирай же ты, ради бога!»

Постепенно Коля вышел из критического состояния, но старался не подавать вида, что всё слышит и всё осознаёт. Он замер, как когда-то в бою в разведке перед налётом или наступлением. До него постепенно доходила суть сказанных медсестрой слов, а она продолжала: «Ну вот, появился один

красивый толковый парень, в которого влюбилась, а теперь вот угробила его! Эх, не везёт мне, что за чертовщина! Что же делать? Надо срочно бежать за Истоминым, может, он выведет его из комы».

Смахнув слезу, Верочка быстро выбежала из процедурной, но доктор Истомин в это время находился в другом корпусе и не мог ей помочь. В расстроенных чувствах она вернулась в процедурную, где на полу в том же положении лежал и тихо посапывал Мастаков. Она присела перед ним, наклонилась и попыталась сделать искусственное дыхание...

Он обнял её, сильно прижал и поцеловал. Сколько это явление длилось, неизвестно... Всё произошло так стремительно и спонтанно, что они сами даже ничего не поняли...

– Так, больной, что это вы здесь разлеглись прямо на полу? – спросила медсестра.

– Мне было очень плохо, и я потерял сознание, – краснея, пролепетал Коля.

– А сейчас вам лучше стало? – не унималась строгая работница госпиталя.

– Да, я, кажется, пришёл в себя и мне уже лучше, но пока ещё не совсем, – соврал Николай.

– Но это нехорошо, что вы разлеглись на полу! Вы так простудитесь! – продолжала Верочка.

– Да, я знаю. Сейчас я попробую встать. Ну вот, кажется, получилось, – уже чуть бодрее отвечал Мастаков.

– Тогда возвращайтесь в палату, – приказала Вера.

– Как скажете, вы же тут начальник! – почти шёпотом произнёс Николай.

– Да какой я начальник? Вот довела вас, Николай Степанович, до потери сознания! Слава богу, что всё закончилось благополучно и вы живы-здоровы!..

Немного помолчав, она продолжила:

– А целуетесь вы прекрасно! Хотя и были без сознания. Спасибо, вам!

– И вам спасибо! Я давно не целовался! А так приятно! – смущаясь произнёс Николай...

Вернулся он в палату окрылённый и взволнованный; щёки слегка горели, а глаза сияли новым светом – светом жизни, на что Воротынский сразу же поставил обоснованный диагноз.

– Ну что, нацеловался с Верочкой? – в упор спросил он.

– Откуда вы знаете? – недоверчиво ответил Николай.

– Да неоткуда; разведка донесла! Ты посмотри на свою физиономию в зеркало, и сразу же станет всё ясно! Светишься, как майская рожица в солнечный день! Я рад за тебя, Коленка! – заключил Владимир Денисович.

Да и сам Николай немного пересмотрел своё поведение, стал более доброжелательным и менее желчным, чем ранее. Он понял, что ещё не всё потеряно. Что, может быть, можно ещё пожить в полную силу!

И ещё минуло несколько дней. За это время Николай несколько раз беседовал с Верочкой. Она действительно бы-

ла интересной и увлекающейся натурой: мечтала поступить в мединститут, так как считала среднее медицинское образование только лишь промежуточным этапом; хотела заниматься наукой и создать что-нибудь новое прогрессивное типа лекарства или бальзама от всех-всех болезней. Она рассказала о всей своей семье Лебедевых, о родителях – школьных учителях в Соль-Илецке, о брате, живущем в Одессе и служащем на каком-то большом океанском лайнере механиком. О тётке, которая живёт в Оренбурге и приютила её после окончания фельдшерско-акушерского училища.

Мастаков же, в свою очередь, поведал Верочке о своих родителях и сёстрах, о жизни и учёбе в Москве, о службе в Туркестане, о глупой болезни и смерти своего друга.

Они явно симпатизировали друг другу, но Николай не выдавал своей тайны, которую подслушал в порыве откровения после падения на пол. Однажды он попросил её разрешения на поцелуй, но Вера отнеслась к этому предложению отрицательно. Засмеявшись, она сказала ему, что разрешит целоваться ему столько, сколько он захочет, только в том случае, если он женится на ней. В противном случае ни-ни, на что Мастаков совершенно прямолинейно ответил: «Вот, Верочка, если вылечусь когда-нибудь полностью, то я тебя обязательно найду и женюсь! Ты только дождись!»

– Хорошо, хорошо! Я буду ждать! – чуть смущаясь и краснея, ответила медсестра.

Пролетели две недели пребывания в госпитале. Ощущи-

мых изменений в состоянии Мастакова не было, и на объединённом врачебном консилиуме было принято решение комиссовать его. Доктор Истомин объявил ему об этом и сказал, что очень сожалеет, что не смог помочь хорошему парню. Лицо его при этом было весьма грустное и стыдливое. Наверное, он вспоминал о первом споре с этим молодым разведчиком, который оказался прав на сто процентов...

В эти же дни и Владимиру Денисовичу Воротынскому вышло предписание срочно прибыть в распоряжение дивизии на Туркестанском фронте. Он уже забросил костыли и ходил достаточно быстро, опираясь на массивную деревянную палочку, которую предусмотрительно приобрел на центральном рынке. Так что палата освобождалась.

На прощание они обменялись адресами и, обнявшись и пожелав друг другу всего хорошего, расстались. Владимир Денисович дал Николаю свой московский адрес, а взамен получил два адреса: московский, где проживала его старшая сестра Ариадна Степановна, и деревенский тёткин адрес в Челябинской области, куда собирался отправиться Мастаков после демобилизации. Кроме того, Николай выпросил у Веры её адрес и на всякий случай оставил ей свои координаты. Так закончилась его служба в Красной армии и последнее пребывание в военном госпитале.

Излечение от малярии

Из госпиталя поехал Николай прямиком в деревню, к своей тётке Варваре Дмитриевне Мастаковой, двоюродной сестре отца, что жила на Южном Урале. Он раньше бывал здесь и знал радушие и доброту этой родственницы, которая по стечению обстоятельств так и прожила жизнь одна, без детей и мужа. Она очень любила Николая, поэтому всегда принимала приветливо и тепло. Было ей уже далеко за шестьдесят, но она уверенно вела своё хозяйство: садила картофель и другие овощи, разводила кур и гусей, выращивала поросят.

Кроме того, у неё было две козочки, которые давали замечательное целительное молоко...

Состояние Коли было дрянное: озноб и лихорадка пробирали его насквозь. И хотя стояло в разгаре лето, бывший разведчик ходил закутанный в тёплый полушубок, чем вызывал насмешки деревенской детворы:

– Глянь, глянь, опять чучело идёт. Потеха! – смеясь и тыча в него пальцами, потешались над ним пацаны, бегавшие по грязной пыльной дороге босиком, в одних трусах.

– Ну и мужик! Зима-лето попугай, зима-лето попугай, сиди дома, не гуляй! – дразнились, не умолкая, ребяташки.

И ему, отвоевавшему четыре года, имеющему высокие награды, было обидно до слёз, что он не может даже поговорить с ними по-человечески, не может им объяснить, что он пережил и что переживает сейчас из-за своей слабости и бессилия. Его трясло и ломало. Он останавливался, садился на какой-нибудь подходящий пень или бревно, благо они возле каждого двора имелись в избытке, и, сжав губы, переживал приступ.

Так прошла неделя. Мастаков изучил почти всю деревню, исходив её вдоль и поперёк. Он несколько раз доходил до леса, но в тени тёмных сосен ему становилось хуже, быстрее подступала и без того изматывающая дрожь. С противоположной стороны деревню небольшим полукругом опоясывала небольшая быстрая речушка Степнянка, но её шумливое журчание также ускоряло приступ лихорадки...

Николай чувствовал, что он вот-вот может сорваться в реку или просто застрелиться. Болезнь настолько скрутила его, что никакие тёткины отвары, травы и снадобья не действовали.

Как-то раз, обходя деревню, он присел на бревно около старой покосившейся избы. Ограды не было, и он увидел, как к нему из дома вышел весь седой и морщинистый старик Фаддей. Одет он был в грязную рубаху и неаккуратно заштопанные суконные штаны. На ногах – на босу ногу галоши.

Подойдя ближе, он спросил:

– Ты Мастаковой, что ли, племяш? Гм... Лихоманка, знать, замучила. Гм...

– Да, дедушка Фаддей, замучила, сил нет. Вот решил так: ещё недельку помучаюсь и пулю в лоб! Надоело всё!

– Ну и дуралей! – вспылил старик. – Если ж ума нет – дуралей! Это ж супротив Бога – лишать живого человека жизни! А ты ж ещё молодой. Надо ж, глупая голова, какая! – не унимался дед.

– Да не могу я жить так. Мне б работать, что-нибудь полезное сделать, а я как инвалид безрукий, весь колочусь. Тяжко мне, тяжело, – грустно выдавил из себя Николай. – Вот и сейчас опять приступ будет, и всё чаще и чаще...

– Ты, видать, и впрямь дуралей! Что это за болезнь, лихоманка – это ж не болезнь, а так... – и он сплюнул в сторону. – Да она ж лечится так быстро, ты что ж, не знаешь, что ль?

– Знать-то знаю, но хинина сейчас во всей стране нет. Да и

лечит он не насовсем, а только немного уменьшает трясучку. Нет, дед, это не так просто.

– Нет, нет! Одно вижу, дуралей ты. Хинин говоришь! Вот башка чем набита. Да твой хинин-говнин разве от лихорадки спасает? Да он же только от мух и комаров.

– А ты, дед, знаешь другое лекарство, что ли? – спросил обескураженный таким откровением Николай.

– Э-э-э... Гм... Да я ж, соколик, и не только про то знаю... Гм... Хочешь, быстро-быстро вылечу? Через день будешь здоров как бык? – продолжал с приоканьем старик.

– Конечно, хочу. Только врачи в госпитале почему меня списали? Потому что нет способа избавиться от малярии. Один тут конец – гроб!

– И ты – дуралей, и твои коновалы – дуралеи. Если мозги на месте и понятие имеется, всё можно, – глядя куда-то в сторону, приговаривал дед... Он помолчал несколько минут, как бы раздумывая о том, сможет ли этот отставной вояка выдержать то испытание, которое должно привести к излечению от коварной болезни, а потом продолжил диалог.

– Вот завтра утром, на рассвете, как только курочка снесёт яйцо, заверни его в теплую тряпку или варежку и дуй ко мне бегом. Платочек захвати, ну и всё. Только знай, больно будет, но надо терпеть – иначе лихоманка не отступит.

– Да я терпеливый. Четыре года воевал, натерпелся всего, выдюжу, – проговорил, еле сдерживая надвигающийся приступ, Мастаков и, поднявшись с бревна, поплёлся в сторону

тёткиного дома.

Поутру, завернув только что снесённое яйцо в вязанную варежку, он отправился к деду Фаддею, который уже поджидал у своего дома. Он взял тёплое яйцо, разбил его и вылил содержимое на землю. Затем ловким, каким-то необъяснимым движением, освободил подскорлупную плёночку от известковой оболочки и произнёс:

– Ну, герой, какой тебе палец не жалко? Давай один.

– Да хоть все забери, дед, не жалко, лишь бы вылечиться, – в тон ему смело ответил Николай Степанович.

– Ну, давай вот этот, средний. – И он быстро обмотал средний палец левой руки плёночкой, поверх которой замотал и плотно завязал белым полотняным платочком.

– Не туго, не слабо? – спросил Фаддей.

– Нет, нормально.

– Надень на палец варежку, да нет же, не так, оберни палец – пусть в тепле будет, – наставлял лекарь своего пациента, – ну вот, Миколай, терпеть надо целые сутки, завтра на рассвете и придёшь ко мне. Раньше не приходи! Не выдюжишь, так и будешь хворать, а вытерпишь – будешь здоровым. Ну, бывай.

Коля недоумевал, как эта тоненькая шкурка не шкурка могла излечить. И почему на палец намотал её дед. И что такого сложного, чтобы не выдержать сутки с завязанным пальцем? Он пошевелил средним пальцем – никаких изменений, всё как было и раньше, только вот замотан сильно и

чуть теплее от варежки. Прошло чуть больше часа, и палец стало покалывать, пощипывать. Ещё через некоторое время появилось в пальце жжение, а к обеду палец, казалось, весь горел. Кое-как перекусив, Николай выскочил на улицу и стал ходить вдоль неё быстрыми шагами. Впопыхах он забыл надеть полушубок, но холода не ощущал, было не до того. Палец уже «гудел» и захватывал всё его внимание. На что-либо другое у него не было сил...

К вечеру боль и горение усилились настолько, что прилёгший было на печь Николай выскочил из дома и помчался что было мочи. Он обегал деревню по кругу вдоль реки и леса. И ни шумевшие деревья, ни журчащая река не вызывали в нём, как раньше, чувства приближения приступа лихорадки. Ему было жарко без шубы, а мысли были направлены только на одно: как бы дотянуть до рассвета, как бы выдюжить...

Наступил рассвет. Обессиливший Мастаков, преодолевая боль, завершая последний круг вдоль реки и леса, подбежал к избе деда Фаддея. Тот уже был на дворе и спокойно следил за приближающимся Николаем.

– Ну што? Выдюжил? Это хорошо. Гм... Давай руку, – спокойно, чуть равнодушно произнёс дед.

Николай, тяжело дыша и еле переводя дыхание, протянул руку старику. Тот последовательно развязал тёплую шерстяную варежку, платочек с присохшей к нему яичной плёнкой и освободил палец, который покрылся большим водянистым волдырём.

– Так, так! – восторженно заключил дед Фаддей. – Ну, вот и конец твоей лихоманке. Вот она вся где, видишь? – сказал дед, показывая раздувшийся палец. – Сейчас все и прикончим.

Он резко, с отяжкой надавил на волдырь, из которого вытекла жижа.

– Ой, о... – прокричал от неожиданности Николай.

Дед Фаддей додал всю жижу из волдыря и, намочив платок «первачом», загодя поставленным в бутылке возле бревна, приложил к пальцу.

– Да ты действительно герой. Такое не каждый выдюжит. Ну, глотни пару глотков да иди, отсыпайся. Ночь-то всю прокуролесил... Гм... Я за тобой посматривал. Гм...

Проспав почти сутки, Николай Мастаков навсегда распрощался с коварным недугом и больше никогда не помышлял расставаться с жизнью по собственной воле. Ещё он часто вспоминал, как во время войны в Туркестане командовал разведотрядом, как мотались они дни и ночи по горам, степям и болотам. Как подхватил он там эту пренеприятную болезнь, называемую малярией. И как его, боевого командира, списали вчистую, так как на заре советской власти не было достаточно хирина, не было знающих врачей, не было условий в больницах. И как простой малограмотный дед Фаддей излечил его раз и навсегда...

Возвращение в Москву

Погостив у тётки ещё пару дней, в начале сентября Мاستков отправился в Москву где его ждали сёстры. Перед этим он написал несколько писем, одно из которых было адресовано Лебедевой Вере Александровне. Он кратко описал его пребывание в деревне Степнянка и счастливое выздоровление усилиями и знаниями старика Фаддея. Также он попросил её передать привет доктору Истомину, который, к сожалению, почему-то не изучает опыт народных мудрецов и методов исцеления, хотя этот опыт бесценен. Попросил также Николай ответ ему переслать на московский адрес по месту

проживания его старшей сестры Ариадны Степановны. Послал он письмо и Владимиру Денисовичу в Туркестан, с аналогичным содержанием, пообещав, что, может, скоро он вернётся на службу и они увидятся...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.